

Общая газета -

ЗВЕЗДЫ

- 1997 - 6 - 12 фев
- с. 15

О пользе границ и дистанций

Людмила Максакова — прекрасная актриса и очень красивая женщина. За роль Графини в «Пиковой даме», которую поставил в театре имени Вахтангова Петр Фоменко, Людмила Васильевна выдвинута на соискание премии «Золотая маска». Чтобы встретиться с ней, понадобилась осада: интервью Максакова дает крайне неохотно. И осталась верна себе, еле-еле выдержав беседу до конца. Ну что же, что вышло — то вышло...

Мне хотелось говорить с ней не о работе. Я спросил:

— Вы помните свою первую любовь?

— Еще девочкой у меня был восторг перед жизнью. Он не был связан ни с чем конкретным, только с радостью бытия как таковым.

Помню, как впервые приехала в Ригу — с театром, на гастроли. В Юрмале вышла на побережье, легла на горячий песок. Никогда не забуду: у меня было ощущение, что под мной весь земной шар. Что-то пантеистическое, прилив жизненной силы. «Люда, — сказала я себе, — никогда не забывай этот момент жизни!» То же чувство было у меня в Греции, возле Акрополя, и я сказала себе: «Вот оно!» Чувство любви, когда ты становишься слитной со всем миром, ощущаешь себя частью мироздания.

— А с людьми это чувство связано?

— Так мы ведь и начинаем воспринимать мир через любовь. Сначала — любовь родителей. Я не знала отца, но мать, которая меня обожала, дала мне этот изначальный импульс: нас — любят, и мы — любим. Вот это ощущение полета, успеха, того, что ты свой на этом празднике жизни, — оно и в любых ситуациях дает нам силы жить. А любовь Рубена Николаевича Симона, которую он распространял на молодых актеров, считая, что театром движут молодые, которые приходят завоевывать мир своими идеями, своей энергией.

Этот мир создан под знаком преобразования человека. Преобразования со знаком плюс или минус. Те, кто идет по лестнице, ведущей вверх, не затапывая своего таланта, те, — наоборот, и достойны этого мира.

— С этим ощущением вы отбираете людей?

— С этим ощущением я старалась не совершать нехороших поступков, не поддаваться дурным мыслям, которые делают тебя самого плохим человеком. Жить в ощущении того светлого, что давали тебе люди. Первый из них, я уже говорила, Рубен Николаевич Симон, который потратил на меня много энергии любви, воспитания, строительства человека. Меня беспокоит, что в сегодняшней жизни очень мало этой энергии строительства, созидания.

Бывают дружбы, которые не-



сешь через всю жизнь, бывают замечательные люди, которые приходят и остаются верными этой дружбе и этой любви. Они владеют искусством отношений, потому что самое трудное и интересное искусство — это строительство взаимоотношений человека с друзьями, с детьми.

— Ваша установка на актерство не мешает искренности в личной жизни?

— Некоторые говорят: «Театр это одно, жизнь — другое». К сожалению, я, наверное, путала эти два понятия. Я вообще человек открытый, такая натура. Сколько бы потом ни били по голове, это меня уже не исправит. Вообще актеры — это люди, которые влюбляются, живут на повышенных тонах. Мы натуры увлекающиеся, преувеличивающие. Влюбившись в кого-то или во что-то, потом невольно разбиваемся и влюбляемся опять: в режиссера, в роль, в пьесу, в автора... Это заложено в натуре, потому что свою любовь мы отдаем зрителю. Театр — это взаимодействие влюбленности.

— Я не знаю, удобно ли спрашивать вас о личной жизни.

— Знаете, это американский стиль газет. Там, в Америке, у каждого актера есть менеджер, который диктует ему степень раздетости: до какой степени он должен себя обнажить и сколько ему заплатят. Русскому человеку такое не было свойственно. Я думаю, что наши наставники, которые все же росли на Толстом, Достоевском, Чехове, не поощряли бы разоблачение донага. И самому Чехову, в частности, не пришло бы в голову рассказывать подробности своего романа с Ольгой Леонардовной. Мне не кажется, что личное надо тиражировать. Появляется элемент сплетни, а я не уверена, что надо окружать себя сплетнями.

— У вас есть мужской идеал?

— Да, это Юрий Владимирович Никулин, его любовь к миру, к

жизни, к цирку, к животным, то, как он говорит, все к месту и продуманно, как ему верят.

— А женский идеал?

— Не знаю, наверное, «Венера» Боттичелли. Я мечтала, чтобы моя дочка была похожа на боттичеллиевских женщин. У меня была такая возможность, когда дочка еще не родилась — я ходила в галерею Уффици и смотрела на Боттичелли. К счастью, так оно и получилось.

— Ваше понимание мужского идеала не менялось со временем?

— Никогда. Я считаю, что мужчины — это ум и доброта.

— А вам не мешает во взаимоотношениях с людьми то, что вы, актриса, можете заранее видеть сюжет ваших дальнейших взаимоотношений?

— Ни в коем случае. Я никогда ничего не программирую. Каждый человек — это тайна и загадка. Главная наша ошибка, если мы думаем, что другой человек подобен тебе. От этого все недоразумения. Другой человек — это другой. Мы можем составить впечатление о человеке по тому, как он ходит, как он ест, как говорит, как водит машину — в этом проявляется его характер. Но я оставляю ему право на какую-то закрытую часть себя. Я не считаю, что в общении люди должны быть предельно и пугающе откровенны, вот, мол, я какой. Это никому не нужно. Но это уже вопрос воспитания.

— Похоже на западный тип общения.

— Почему? Нет. Именно русский тип воспитания — знать границу, дистанцию, предполагающую меру свободы одного человека от другого.

— В личной жизни вы больше склонны к одиночеству или к общению?

— Я ни к чему не склонна. Просто много работаю. Снялась в фильме на телевидении. В театре играю во многих спектаклях. И слава Богу. Потому что были, конечно, периоды простоя, которые тяжело переживаются актером.

— Вы редко даете интервью, почему?

— Я считаю, что и это было не интервью, а беседа. Я с большим уважением отношусь к вашему главному редактору и по этой причине согласилась побеседовать. Не хочу вас обидеть, но тем не менее я это сделала только по его просьбе.

— Извините, больше не буду вас мучить.

— Вы меня не мучаете. Это вы мучаетесь, как на сковородке. Я вижу, вы не готовы к беседе. Вы думали, что я буду рассказывать что-то другое, заранее запрограммировали меня...

— В общем-то, мы договаривались говорить об историях любви.

— Вы хотите истории? Пожалуйста. Новогодняя смешная история. Мы шли с моей подругой на какой-то торжественный вечер, поэтому я постаралась соответственно выглядеть. Подруга живет на Тверской, я стою, жду ее, девять часов вечера. Ко мне подходит очень интересный мужчина и говорит: «Вы снимаетесь?» Я говорю: «Сейчас нет, но вообще...» И начинаю рассказывать свою творческую биографию. Вижу, он смотрит на меня как на сумасшедшую, которая выдает какой-то свой монолог. Оказывается, он решил, что я — проститутка, и это просто термин такой: «вы — снимаетесь?». Я должна была назвать ему сумму: «500 долларов, 800 долларов...»

— История, конечно, веселая, а других «историй любви» у вас нет?

— Вы знаете, если я сейчас начну вам рассказывать истории любви, это уже будет не беседа, а целая книга. Я вообще считаю, что человек о себе не должен особенно много рассказывать.

— Вывод: «о любви не говори»?

— Почему? Я только о ней вам и говорила. А подробностей — не будет. И «лав стори» — тоже.

«На сковородке вертелся»
Игорь ШЕВЕЛЕВ